

УДК 821-84

**ОТНОШЕНИЕ ЧЕРНОЙ СОТНИ К
ЭТНИЧЕСКОМУ НАЦИОНАЛИЗМУ**

Размолодин Максим Львович
к.и.н.
*УФСБ РФ по Ярославской области, Ярославль,
Россия*

В статье рассматриваются базовые подходы черной сотни к проблеме этнического национализма. Негативное отношение правомонархистов к рожденным на Западе расистским и националистическим теориям обуславливалось консервативными основами их идеологии, стоявшей на защите христианской традиции. Присущий черносотенцам приоритет православной и самодержавно-монархической констант перед понятием нации устанавливает четкое различие между ними и националистическими партиями, что не позволяет идентифицировать два политических направления как аналогичные

Ключевые слова: ЧЕРНАЯ СОТНЯ, КРАЙНЕ ПРАВАЯ ИДЕОЛОГИЯ, НАЦИОНАЛИЗМ, КОНСЕРВАТИЗМ, БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

UDK 821-84

**BLACK-HUNDRED'S ATTITUDE TO THE
PROBLEM OF ETHNIC NATIONALISM**

Razmolodin Maxim Lvovich
Cand.Hist.Sci
*Yaroslavl Department of the Federal Security Service,
Yaroslavl, Russia*

The article covers basic approaches of the Black-Hundred's ideology to the problem of ethnic nationalism. Negative attitude toward racist and nationalist theories born in the West was conditioned by conservative foundations of the extreme-right doctrine and its main function - defense of the Christian tradition. Black-Hundred established priority of the Orthodoxy and autocracy over idea of nation. This approach caused difference between Black-Hundred and nationalists

Keywords: BLACK HUNDRED, EXTREME RIGHT IDEOLOGY, NATIONALISM, CONSERVATISM, BASIC VALUES OF RUSSIAN CIVILIZATION

При сравнении черносотенства и национализма выявляется важная характерная черта, которая устанавливает водораздел между двумя доктринами - отношение к религии. Для западных учений XIX-XX века была характерна потеря христианских ориентиров, что было обусловлено всем ходом развития европейской мысли последних веков, ставшей источником различных комплексов философских и социальных идей – либерализма, коммунизма, национализма, фашизма. Остававшиеся на позициях религиозного восприятия мира крайне правые идеологи разделяли точку зрения И.А.Ильина, который писал: «Духовная культура XIX века и XX века есть культура секуляризованная. Но она отделилась, обособилась не только от христианских исповеданий; нет - она утратила религиозный дух вообще. Она обособилась не от христианской религии во имя другой какой-либо; она не перешла от старой религиозности к новой; она не перешла даже к поискам новой.

Она обособилась от христианской религии и ушла в безрелигиозную, безбожную пустоту»¹.

Десекуляризация в совокупности с либеральной свободой самовыражения приводила к появлению доктрин антихристианского и неоязыческого толка, одной из которых стал этнический национализм. В начале XX века взгляды русских националистов формировались под явным влиянием «новейших достижений» передовой европейской мысли, прежде всего западного социал-дарвинизма и расизма (Ж.А.Гобино, Х.С.Чемберлен, В.Дарре). Идеолог националистической организации Всероссийский национальный союз (ВНС) М.О.Меньшиков стал первым в России пропагандистом расистских теорий и теоретиком русского этнического национализма. Уже в 1911 году он писал об «арийской расе» как об «аристократии человечества». Если черносотенцы и воспринимали единство с Западом только как часть христианского мира, то М.О.Меньшиков и националисты рассматривали общность в духе единства «арийского человечества». Это неизбежно вело к градации народов на «низшие» и высшие»: «Когда вы бываете в европейской толпе, вы сразу замечаете, что англичане, французы, итальянцы и пр. имеют несколько более широкий череп, нежели малокультурные, например экзотические, народности». Впрочем, указывалось, что форма черепа усовершенствована европейцами благодаря просвещению, а потому у «самоедов и киргизов» есть шансы достигнуть совершенства. Показательно, что М.О.Меньшиков признавал «отсталость» и славянской «расы» по сравнению с европейцами, и единственным средством к её преодолению считал «втягивание народной массы в жизнь Европы»². Таким образом, русский национализм через посредство социал-дарвинизма и теории расизма оказался в идейной зависимости от западных учений.

Дехристианизированные националистические идеи немецких мыслителей, подобные доктрине В. Дарре «Кровь» и «Почва», как и

положения француза Ж. А. Гобино о неравенстве рас и народов, ставшие плодородной почвой для русских националистов, были неприемлемы для русских консерваторов. Деление людей на высших и низших, постепенно принимавшее в немецкой философии черты расовой иерархии, не имело ничего общего с отстаиваемой черносотенцами иерархией социальной. Элементы расизма и национальной исключительности, создававшие основу для «прогрессивной» формы рабовладения, были чужды отечественной консервативной мысли, более склонной к самоуничижению, о чем ясно говорят критические замечания черносотенцев по адресу русского народа. Разумеется, подобные богоборческие и разрушительные тенденции не могли быть восприняты черносотенцами и скорее более подходили для их политических противников, черпавших идейные новации за рубежом.

Идеи русской народности в идейно-теоретических построениях черной сотни не несли в себе элементов шовинизма, являясь мобилизующей и защитно-охранительной формой идеологии для России. С этой точки зрения следует рассматривать и формулу «Россия для русских», включенную в основополагающие документы крайне правых партий. В марксистской и либеральной историографии она стала жупелом, позволявшим в очередной раз обвинить противника в человеконенавистничестве и ксенофобии. Между тем, в «Памятке» Союза Михаила Архангела она расшифровывалась как «содействие увеличению духовного (умственного и нравственного) развития и имущественного благосостояния русских сословий и всего русского народа». С этой точки зрения, лозунг утверждал Россию как духовно-территориальное пространство для лиц, рассматривавших Русь как оплот Святости и место спасения во Христе. Приоритетом здесь выступала проблема сохранения незыблемости духовно-культурных ценностей русской цивилизации от разлагающего влияния чуждых идеологий.

Этнический национализм и расизм националистов подвергся резкому осуждению не только слева, со стороны либеральной оппозиции, но и справа, со стороны черносотенцев. Трактую национальность как явление, прежде всего, духовно культурное, они не придавали приоритетного значения природно-биологическим факторам. Черносотенцы полностью разделяли позицию консерватора К.Н.Леонтьева, который писал: «Что такое племя без системы своих религиозных и государственных идей? За что его любить? За кровь? Но кровь ведь... ни у кого не чиста... И что такое чистая кровь? Бесплодие духовное! ... Любить племя за племя - натяжка и ложь. Другое дело, если племя родственное хоть в чем-нибудь согласно с нашими особыми идеями, с нашими коренными чувствами»³. Известно, в частности, что именно идеолог черной сотни В.М.Пуришкевич ввел в общественный обиход словосочетание «зоологический национализм». От обвинений в «человеконенавистничестве» М. О. Меньшикову пришлось отбиваться: «зоология, господа, великая наука, и пренебрегать её выводами могут лишь невежды»⁴.

Националистические идеи расовой чистоты и этнической сегрегации были опасны тем, что создавали основу для распада России. Черносотенцы исходили из вполне прагматических соображений, понимая, что многонациональное российское государство не может руководствоваться в своей политике чисто этническим принципом. Именно в приоритете общеимперского («почвы») над узконациональным («кровью») состоял один из факторов успешного государственного строительства. В противовес грозившей распадом страны этнической обособленности, черносотенцы выступали за интеграцию инородцев в состав русской семьи посредством привития им базовых ценностей русской цивилизации. Это четко и недвусмысленно было зафиксировано в протоколах состоявшегося в ноябре 1911 года Всероссийского съезда СРН: «...Союз стремится не к сепаратистской и человеконенавистнической политике неонационализма, а

к объединению всего населения под единым Скипетром и Державою»⁵. Это вызвало гневную реакцию лидера ВНС М.О.Меньшикова, считавшего, что реализация данной задачи ведёт к утрате русскими этнической чистоты: ««Обрусить всё нерусское» значит разрушить Россию, сделать её страной ублюдков, растворить благородный металл расы в дешёвых сплавах. То же относится и к оправославлению всего неправославного. Это была бы сплошная фальсификация веры, свойственной исключительно русскому племени». Этим непосильным задачам он противопоставлял более приземлённую – «сохранить себя»⁶.

Черносотенцы отвергли универсализм понятия нации, его западное определение, смысловое содержание и трактовку. Самобытность черносотенной доктрины заставляла их ограничиваться рамками российского масштаба при разработке понятия «русская народность», рассматривавшейся как сугубо национальная категория, локализованная в границах национальных традиций. Отказавшись от решения несвойственных ей всемирных «универсалистских» задач, черная сотня находила опору в национальных идейных корнях, в частности, в русском консерватизме, а не в западных схемах.

В отличие от отстаиваемого черносотенцами самобытного подхода, русские националисты придерживались универсальной концепции национализма, которую К.Н.Леонтьев считал одной из форм космополитизма. Этого не отрицал и М.О.Меньшиков, подчёркивая, что русский национализм – «это просто национализм, только русский. Он точь-в-точь схож со всеми национализмами на свете и разделяет все их добродетели и грехи»⁷. Космополитизм и «европейничание» русских националистов, проповедовавших братство арийских народов, нивелировало понятия православия и самодержавия (базовые русские ценности). Разрыв с православной моралью открыто зафиксировал М.О.Меньшиков, заявлявший: «В твердыню государственности нашей, –

писал Меньшиков, – инородцы входят при помощи двух лжеучений – политического и религиозного. В силу первого лжеучения все «подданные» государства приравниваются к «гражданам» его, в силу второго – все люди рассматриваются как «братья»⁸.

Таким образом, нравственно-религиозное содержание «русской идеи», то есть, собственно говоря, само существование этой идеи отвергалось. Русский национализм как очередной продукт «европейничания» отечественных интеллектуалов был подвергнут консерваторами жесточайшей критике: «Нельзя не заметить поразительного сходства национальной узости иных наших патриотов, – писал Л.Тихомиров в статье «Что значит жить и думать по-русски?», – с той еврейской национальной психологией, которую обличали пророки. В узких порывах патриотизма и у нас понятие о вере ныне смешивается с понятием о племени, и русский народ представляется живущим верой только для самого себя, в эгоистической замкнутости»⁹.

Пытаясь абстрагироваться от националистов, черносотенцы отказались от расово-биологического критерия определения понятия нации, а также широкого использования самого термина нация, заменив его народностью. Сохранявшие верность имперской парадигме, идеологи черной сотни осудили расовую теорию не только в целях гармонизации межнациональных противоречий в России, но и из «патриотических соображений», не желая безоговорочно опираться на теории западных национал-антропологов. Они не обращали особого внимания на четкую теоретическую разработку оперируемых ими терминов, так как их доктрина не имела генетической зависимости от европейских учений. Такие понятия как «этническая чистота», «этническая чистка», «сегрегация» и проч. отсутствовали в лексиконе крайне правых. Даже сам термин национализм черносотенцы считали несостоятельным и неприменимым к России. Он был привнесен с ненавистного Запада,

будучи рожден в других социокультурных условиях и среде. Их пугало его иностранное происхождение как проявление антиправославной западной мысли, а потому был малопригоден для создания полноценной русской национальной доктрины¹⁰.

Отрицательно относясь к распространенным в тот момент на Западе теориям, рассматривавшим национальный феномен в контексте расово-биологических факторов, черносотенцы придерживались иной трактовки понятия нация. В отличие от понимания «национальности» как определенного типа человеческой общности по крови и единства этнического происхождения, черносотенцы вкладывали в этот термин религиозно-политическое и культурное содержание. «Плотское единство» националистов крайне правым казалось недостаточным: «националисты не считают единство, религию и политический строй за устои государства, находя, что эта вещь сторонняя, как кто хочет так пусть и понимает» - писало «Русское знамя»¹¹.

Обозначить идейный водораздел между черносотенным подходом и националистическим было для идеологов черной сотни тем необходимее, что любые попытки проповеди русской национальной исключительности мешали реализации мессианской задачи России проповеди православия. Л.А.Тихомиров считал националистический подход недостойным великого народа, имеющего мировые задачи. «У нас нынче, среди правых, – писал он, – иногда проявляется такая узкая идея русского интереса, такой национальный эгоизм, которые приличествуют разве какой-нибудь бискайской «национальности». Но это в высочайшей степени антирусская черта... Русская национальность есть мировая национальность, никогда не замыкавшаяся в круге племенных интересов, но всегда несшая идеалы общечеловеческой жизни, всегда умевшая дать место в своём деле и в своей жизни множеству самых разнообразных племён. Именно эта черта делает русский народ великим мировым

народом и, в частности, даёт право русскому патриоту требовать гегемонии для своего племени»¹².

В своих подходах к определению понятия народности черносотенцы следовали за своими славянофильскими и постславянофильскими учителями. «Народность» понималась в нераздельности с «православием» и «самодержавием» и не имела самодовлеющего этнического значения. Иными словами, народность понималась как религиозная (православная), политическая (самодержавие) и культурная (язык, быт, просвещение) общность. Содержательная сторона данного понятия была раскрыта в Своде основных понятий и положений русских монархистов, выработанных в мае 1912 года IV Всероссийским съездом Союза русского народа и V Всероссийским съездом Русских людей: «... народность, в отличие от национальности и космополитизма, есть триединство 1) вероисповедания, 2) государственности и 3) своебытной просвещенности, основанной на обособленности языка, страны и нравов (обычаев)»¹³. Этническому подходу националистов черносотенцы противопоставили «почвенническое» содержание понятия народности, которое рассматривалось как исторически сложившаяся самобытная общность, связанная племенным родством, территорией (всею русскою землею) и возделыванием ее плодов для материального самодовления (удовлетворения своих нужд). Культурный компонент народности определялся как идентичность самосознания народа, обусловленный общностью «языка, науки, просвещения и всего того, что творится в отечестве всеми средствами человеческого разума для блага общественного и частного». Культурная составляющая в значительной степени являлась производной от религиозного элемента, а потому носила второстепенное значение, что было зафиксировано в Своде понятий русских монархистов: «Народность же требует, кроме языка, истории (быт), нравов, обычаев и просвещения (культуры), единство: 1) Веры, 2)

Царства и 3) Земщины»¹⁴.

Таким образом, под народностью черносотенцы понимали духовно-религиозное, политико-идеологическое, культурно-историческое и соборное единство русских людей. Данная трактовка коренным образом отличалась от пришедшего с Запада понятия нации, в который националисты вкладывали этническое, «кровное» родство, а либералы государственно-гражданскую сплоченность. Сравнивая нацию с народностью, черносотенцы указывали, что нация является понятием более общим по объему и менее содержательным по сути: «нация есть искусственное общество людей разного рода и племен, разно верующих и не всегда говорящих одним общим языком, но сплоченных одной цивилизацией и подвластных одному государству». Противопоставляя два понятия, крайне правые указывали на необязательность присутствия у нации важнейших атрибутов, составлявших понятие народности: «Национальность может обходиться без веры и вероисповедания (французы), рода и племени (австрияки), без страны и земли (жиды), без государственности (цыгане, жиды)» - утверждалось в программных документах крайне правых. При утрате одного из базовых компонентов русской народности черносотенцы указывали на опасность ее перерождения в «национальность» или «нацию»: «Без вероисповедного единства, царского домостроительства и земской соборности — русская народность перестает быть народностью, а становится антинародною не русскою национальностью» - говорилось в Своде основных понятий и положений русских монархистов¹⁵.

Итак, принадлежность к русскому народу определялась через принятие основных компонентов теории официальной народности: Православия, самодержавия и народности. В мае 1907 года «Русское знамя» кратко, но емко утверждало: «Русский народ как нация выражается в трех символах: Вере православной, Царе самодержавном и Народе

русском»¹⁶. Они стали идентификационными чертами истинно-русского человека: «...три основные начала сознательно или бессознательно, но, во всяком случае, твердо начертаны в сердце каждого честного русского человека, любящего Родину и верного долгу и присяге» - утверждалось в Постановлениях III Всероссийского съезда Русских людей¹⁷. Состоявшийся в ноябре 1911 года в Москве Всероссийский съезд СРН к истинно-русским относил лиц, «...твердо, до самозабвения исповедующих наши Святые основоположения, единственно и исключительно способных осуществить Самодержавную волю нашего Царя»¹⁸.

Как видим, данные выше характеристики народности определяли размытость этнического компонента в определении понятия русский. Сами понятия «русский» и «национальный» в том предметном виде, в котором они раскрываются в контексте черносотенной идеологии, никогда не только не являли, но и не предполагали некоего «генетического теста». Несмотря на многочисленные обвинения либерального и революционного лагерей в национализме и шовинизме, присущий черносотенной идеологии приоритет духовно-религиозного компонента позволял преодолеть узкий национализм и широко открыть двери для представителей других национальностей. В руководстве черносотенных союзов оказалось довольно много нерусских по крови. Список «истинно русских» вождей пестрил молдавскими, греческими, грузинскими и немецкими фамилиями. Среди лидеров черносотенцев можно видеть немцев (В.А.Грингмут, Н.А.Энгельгард, барон Г.Г.Розен, граф Н.Ф.Гейден, ген. Ранд, Рихтер-Шванебах, Каульбарс, Левендаль и многие другие), французов (гр. Доррер), молдаван (П.А.Крушеван, П.Ф.Булацель) и др. Продолжателями черносотенной традиции в эмиграции после 1917 года являлись Финдберг, А. Будберг, Нейдгардт, герцог Лейхтенбергский.

Таким образом, в черносотенной и националистической идеологии

проявлялись существенные различия в содержательной трактовке понятия народ и нация. Под народностью понималось духовно-религиозное, политическое, культурно-психологическое и соборное единство русских людей. Националисты делали приоритет на этнической идентичности (родстве), а либералы-западники на государственно-гражданском единстве. Понятие народности в черносотенном варианте трактовки несло идеологическую начинку, что создавало определенное родство с понятием советский народ, который также преодолел фактор этничности и испытал полностью идеологическое давление. В современной литературе также встречаются подходы рассмотрения нации и как культурно-исторической и языковой общности (общности исторической судьбы, религии, языка и культуры), и как этнической общности, основанной на кровном родстве. В последнее время на Западе все шире распространяется понимание нации как единого согражданства вне зависимости от этнического происхождения (так называемая «политическая нация»). С этой точки зрения в своих подходах к понятию нации черносотенцы опередили свое время, так как не делали акцент на расово-биологических качествах, чем страдали некоторые политические партии Западной Европы вплоть до 1945 года.

Библиографические ссылки:

¹ Ильин И.А. Собрание сочинений. М. 2001. С. 155-156.

² Меньшиков М. О. Письма к русской нации / Вступ. ст. и примеч. М. Б. Смолина. М.: Москва. 2000. С.534-535.

³ Леонтьев К. Н. Поздняя осень России. М.: Аграф. 2000. С.49.

⁴ Меньшиков М. О. Письма к русской нации. С.430.

⁵ Постановления Всероссийского Съезда Союза русского народа и примыкающих к нему монархических организаций. 21 ноября – 1 декабря 1911 года в г.Москве. СПб. 1912. С.28. // ГАРФ. Ф.116. Оп.2. Д.1. Л. 84.

⁶ Меньшиков М. О. Вечное воскресение (Сборник статей о Церкви и вере). М.: Русский Вестник. 2003. С.293.

⁷ Меньшиков М. О. Письма к русской нации. С.390.

⁸ Там же. С.176.

⁹ Тихомиров Л.А. Апология Веры и Монархии. М. 1999. С.221.

-
- ¹⁰ Русское знамя. 1912. 13 октября.
¹¹ Там же. 1913. 2 апреля.
¹² Тихомиров Л. А. Указ.соч. С.220.
¹³ Вестник Союза русского народа. СПб.1912. N104.
¹⁴ Там же.
¹⁵ Там же.
¹⁶ Русское знамя. 1907. 13 мая.
¹⁷ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. N981/33 (N8913 и 13315).
¹⁸ ГАРФ. Ф.116. Оп.2. Д.1. Л. 80.